

Научная статья

УДК 821.161.1

doi: 10.17223/19986645/89/12

Некрологи Н.М. Карамзину: формирование посмертного образа писателя в литературном процессе 1820-х гг.

Виталий Сергеевич Киселев¹, Екатерина Евгеньевна Надточий²

^{1,2} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

² *Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия*

¹ kv-uliss@mail.ru

² katerina-063.92@mail.ru

Аннотация. Выявляются основные факторы, определяющие функционирование в литературном процессе некрологов писателям, и предлагается анализ некрологов Н.М. Карамзину, опубликованных в мае–июне 1826 г. в «Московском телеграфе», «Вестнике Европы», «Дамском журнале» и в «Северной пчеле». В каждом из них выявляется ключевая интенция и описываются особенности поэтики. Определяются причины недовольства современников некрологами Н.М. Карамзину, оказавшимися недостаточными для поддержания памяти писателя и его непререкаемой канонизации.

Ключевые слова: некролог, Н.М. Карамзин, литературная репутация, посмертный образ

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00386, <https://rscf.ru/project/24-18-00386/>

Для цитирования: Киселев В.С., Надточий Е.Е. Некрологи Н.М. Карамзину: формирование посмертного образа писателя в литературном процессе 1820-х гг. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2024. № 89. С. 228–244. doi: 10.17223/19986645/89/12

Original article

doi: 10.17223/19986645/89/12

Obituaries to Nikolay Karamzin: The formation of the writer's posthumous image in the literary process of the 1820s

Vitaly S. Kiselev¹, Ekaterina E. Nadtochiy²

^{1,2} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

² *Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation*

¹ kv-uliss@mail.ru

² katerina-063.92@mail.ru

Abstract. One of the main elements in the formation of a posthumous literary reputation in the first half of the 19th century was an obituary to a writer. However, the

effectiveness of its use always depended on the contemporary situation within the literature of the period when the need arose to perpetuate a writer's name. The literary process, gradually becoming more complex during the first half of the 19th century, also problematized the poetics of the obituary statement. For example, the lack of consensus on reputation led to lengthy disputes and made it difficult to enter the national canon. This was precisely the nature of the discourse around the death of Nikolay Karamzin, one of the most significant authors of the turn of the 19th century. The material of the study was obituaries to Karamzin published in May–June 1826 in *Moskovskiy Telegraf*, *Vestnik Evropy*, *Damskiy Zhurnal*, and *Severnaya Pchela*. Each of them is analyzed to reveal the key intention and describe the features of poetics. The obituaries offered well-thought-out and varied models: a messianic biographical narrative by N.A. Polevoy, a personality essay by M.T. Kachenovsky, an intimate remark by P.I. Shalikov, finally, an analytical review by N.I. Grech. Differing in approaches, these texts fixed in memory a very close set of motifs: human dignity, nobility and attractiveness, a concentrated study of literature and history, transformation of language and literature, discovery of national history, recognition of merits by society and the court. All these motifs will continue to determine Karamzin's memorial discourse. Nevertheless, the collective opinion turned out to be dissatisfied with the obituaries, and statements of contemporaries literally disavowed them, either assessing them directly negatively, or simply ignoring them. Thus, in the presence of the initial posthumous image of Karamzin created by obituaries and the formed general opinion about the significant place of the writer in the national literary pantheon, the final canonization did not occur. This shows that the memorial culture of the system of friendly communities in the 1820s in functional terms was not always effective, despite the fact that this system itself was on an obvious rise.

Keywords: obituary, Nikolay Karamzin, literary reputation, posthumous image

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-18-00386, <https://rscf.ru/project/24-18-00386/>

For citation: Kiselev, V.S. & Nadtochiy, E.E. (2024) Obituaries to Nikolay Karamzin: The formation of the writer's posthumous image in the literary process of the 1820s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 89. pp. 228–244. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/89/12

Введение

История некролога как жанра русской словесности еще не изучена в достаточной степени, хотя он выполняет целый ряд важных функций, связанных в первую очередь с функционированием мемориальной культуры, а в поле литературы, если подразумевается некролог писателю, с формированием авторской репутации, приобретающей с его помощью завершенный, итоговый характер. Среди исследований, посвященных некрологу, следует назвать статьи А.А. Тертычного, А.И. Рейтблата, Т. Кузовкиной, К.А. Онипко [1–4]. Между тем они касаются лишь отдельных жанровых особенностей либо частных эпизодов истории жанра на начальном этапе его существования.

Первые некрологи писателю появляются в русской литературе в 1800-е гг., а уже спустя десятилетие этот жанр демонстрирует высокую востребованность. Некрологические тексты о писателях, созданные в 1810-е гг. (например, некрологи С.С. Боброву, В.А. Озерову, Г.Р. Державину), продемонстрировали очевидное тяготение к развернутой биографической форме. Она

позволяла создать разносторонний и детализированный образ ушедшего из жизни литератора, отталкиваясь от определенного идеала «достойной» репутации, сложившегося в тесной кружковой среде. Относительная немногочисленность литературных сообществ и большая активность карамзинистов в утверждении собственного мемориального канона приводили к достаточно быстрому закреплению посмертных образов писателей, чьи репутации в дальнейшем не оспаривались. В 1820-е гг. складывается совершенно новая ситуация. Прежде всего на это повлияла общественная борьба: либеральные реформы Александра I в начале правления, победа над Наполеоном в 1812–1814 гг. и заграничные походы русской армии, а также интерес к национально-освободительным и антифеодальным движениям в Западной Европе породили гражданскую экзальтацию и вызвали к жизни движение декабристов. Будучи, по сути, также дружескими сообществами, но на основе идейной общности и политических целей, они, даже поначалу складываясь в рамках публичных литературных групп, в первой половине 1820-х гг. превращаются в тайные собрания [5].

Разумеется, эстетическая программа официального объединения и политическая программа тайных обществ (Северное и Южное) пересекались только в отдельных точках, что применительно к литературной репутации порождало амбивалентность – расслаивание на «поэта» и «гражданина». Знаменитая формула К.Ф. Рылеева «Я не поэт, а гражданин» и ответ на нее А.С. Пушкина («Если кто пишет стихи, то прежде всего должен быть поэтом, если же хочешь просто гражданствовать, то пиши прозой») зримо показывали и значимость для современников данных компонентов репутации, и отсутствие единого мнения по их соотношению. Очень показательна, например, дружеская полемика, развернувшаяся по поводу позиции В.А. Жуковского в конце 1810 – начале 1820-х гг., когда поэт вошел в придворную среду. П.А. Вяземский и А.И. Тургенев во многих своих письмах укоряли друга в сервильности, в том, что он не пользуется своим поэтическим даром для пробуждения общественного мнения, на что В.А. Жуковский отвечал: «Светильник поэзии не должен быть зажигателем: он должен согреть, светить и оживлять» [6. С. 49].

Отсутствие консенсуса открывало простор для многочисленных столкновений и споров, в ходе которых репутации тех или иных авторов если и не разрушались, то оспаривались и проблематизировались с разных позиций, что касалось и посмертной памяти, утверждаемой некрологом. Для последнего, как жанра публичной, легитимной словесности, сохраняла значимость и семантика официальной государственной службы, высочайшего одобрения, военных и гражданских заслуг, чему вполне могла подспудно противопоставляться либеральная семантика обличения, оппозиционности. В подобном контексте отсутствие или малое количество некрологов могло говорить больше, нежели их изобилие.

Еще одним важнейшим фактором, изменившим функции некролога в 1820-х гг., стал рост количества литературных групп. Пестрая палитра объ-

единений уже не имела отчетливого центра и предлагала существенно разные эстетические и мировоззренческие программы, причем степень их влиятельности также была не слишком высока. Утвердить или проблематизировать какую-либо писательскую репутацию ресурсами одной группы в подобной насыщенной среде было вряд ли возможно, что, с одной стороны, создавало эффект многоголосия, а с другой – порождало некоторую келейность, изолированность, рассогласованность усилий. Особенно выразительной подобная растерянность становилась в момент смерти того или иного заметного автора, когда в большинстве случаев отдельные реплики-некрологи не складывались в цельную панораму, и только по прошествии значительного времени в посмертных текстах уже не столько некрологического, сколько биографического плана намечалась консолидирующая точка зрения.

Движение к созданию национального канона существенно замедляла слабость журналистики и литературной критики [7]. Даже в небольшом количестве значимых и долговременных журналов 1820-х гг. («Вестник Европы», «Соревнователь просвещения и благотворения», «Сын отечества», «Московский телеграф», «Московский вестник») отдел критики занимал периферийное место, что соответствовало коллективному представлению о литературной полемике как неблагоприятном деле. В этом сходилась карамзинистская этика, приветствовавшая только поощрительную критику, и консервативное официальное мнение, наследие эпохи патронажа, о мало-значимости и нелегитимности иных оценок, кроме как исходящих от власти. Доминирование же в журналистике формы альманаха, где критика могла присутствовать только в виде годовых, самых общих обзоров, еще более ослабляло возможности репутационного структурирования. На этом фоне критики-полемисты (от А.Ф. Воейкова до П.А. Вяземского) воспринимались как задиры и буяны.

Цель данной статьи – показать, что некролог в 1820-е гг. формировался в контексте противоречивых интенций многочисленных литературных групп. Именно поэтому усилия литераторов по посмертной канонизации Н.М. Карамзина в некрологах мая-июня 1826 г. оказались малоэффективными и недостаточными. Материалами исследования послужили некрологи Н.М. Карамзину, опубликованные в российской прессе [8–12].

Результаты исследования

Оценивая механизмы формирования литературной репутации в русской словесности 1820-х гг., А.В. Вдовин справедливо констатировал на материале полемики вокруг статьи П.А. Плетнева «Письмо к графине С.И.С. о русских поэтах», опубликованной в «Северных цветах на 1825 год» и предлагавшей свою версию литературного пантеона: «Пolemика свидетельствовала о том, что к середине 1820-х гг. никакого согласия относительно кандидатуры “первого поэта” и уж тем более состава поэтического пантеона у литераторов не было. Более того, среди критиков (а самые видные из них сами были поэтами и прозаиками) также никто не мог претендовать на роль

арбитра вкуса, чье мнение было бы поддержано хотя бы минимальным большинством» [13. С. 23]. Этот разрыв между культурным запросом на формирование системы литературных репутаций и недостаточностью инструментов для ее утверждения имел решительное влияние на функционирование некролога, поскольку смерть писателя – это очевидный повод для подведения итогов его жизни и творчества, на этом фундаменте в дальнейшем складывается биографический нарратив, закрепляющийся в коллективной памяти потомков. Отсутствие консенсуса относительно репутации вело к продолжительным спорам и проблематизировало вхождение в национальный канон. Именно такой характер имел дискурс вокруг смерти одного из самых знаковых авторов рубежа XVIII–XIX вв. – Н.М. Карамзина.

Смерть императора Александра I в ноябре 1825 г. и декабрьское восстание оказали сильное воздействие на Карамзина – он заболел. «Врачи объясняют Катерине Андреевне, что легкие очень плохи, что грозит хроническое воспаление и отек. Больного не беспокоят, но в дни ухудшения он требует друзей и новостей» [14. С. 141]. Весной 1826 г. писателя навещают Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков, А.И. Тургенев. В.А. Жуковский так описал последние дни жизни своего литературного наставника: «Я видел умирающего Карамзина, и никогда это видение не изгладится из души моей. При мысли о конце такого человека, о переходе такой души в тот мир, где у Отца обитателей много, все наши понятия о жизни, смерти и бессмертии преобразуются для нас во что-то светло-очевидное» [15. С. 335].

Карамзин ушел из жизни 22 мая 1826 г., причиной смерти был «нарыв» в груди. Кончина известного литератора и историографа стала одним из главных событий, которые освещались в прессе. На его смерть откликнулись сразу четыре издания, что было по меркам эпохи достаточно много и сигнализировало о повышенной значимости автора. В течение первых месяцев после смерти некрологи были опубликованы в «Московском телеграфе» Н.А. Полевого, «Вестнике Европы» М.Т. Каченовского, «Дамском журнале» П.И. Шаликова и в «Северной пчеле» Ф.В. Булгарина. В декабре 1826 г. в альманахе «Северные цветы» А.А. Дельвига была перепечатана из «Северной пчелы» дополненная некрологическая статья Н.И. Греча. Из этих печатных органов только один был отчетливо карамзинистским, а остальные занимали скептическую позицию [16].

Н.А. Полевой на страницах «Московского телеграфа» нередко вступал в полемику с историографом. Так, например, в статье 1825 г. «О новейших критических замечаниях на историю государства Российского, сочиненную Карамзиным» он отмечает не только общепризнанные заслуги автора, но и указывает на отсутствие «серьезных критических разборов, содержащих истинную оценку труда Карамзина» [17. С. 445]. Однако идейные расхождения не помешали критике по достоинству оценить талант и масштаб личности Карамзина.

Посмертный текст, опубликованный в IX части «Московского телеграфа» от 31 мая 1826 г., размещен в разделе «Современные летописи», не имеет заголовка, но начинается с подзаголовка «Некрология».

Автор начинает свой текст с констатации грандиозности утраты. Чтобы продемонстрировать значение Карамзина не только для России, но и для мира, Полевой помещает его в плеяду выдающихся правителей и деятелей культуры, умерших в последнее время. «Сколько венценосцев в сии годы подверглось общей участи человечества: Король неаполитанский, король французский, король баварский, король португальский, наконец император все-российский, и августейшая супруга его, кончили земное бытие свое. Исчислим ли другие потери наши? Бейрон, Жан-Поль, Фосс, Ласепед, Лангле, Фатер, Жирод, Давид, Карпинский, и множество других мужей знаменитых угасли мгновенно и быстро, один за другим! Россия с горестию видела смерть нескольких знаменитых сынов своих и – гроб Карамзина, незабвенного Карамзина стал в ряду других гробов» [8. С. 81]. Подобный контекст позволял не только возвысить значимость историографа, но и встроить факт его смерти в универсальную онтологическую панораму, определяемую волей Провидения: «Иногда с изумлением взирая, что судьбам Вышнего угодно бывает вдруг явить на позорище мира обилие великих людей, не замечали мы, что в иное время, по воле Его, смерть быстро, одновременно похищает у нас сии драгоценные залоги Его величия и премудрости?» [8. С. 80].

Предельно точно автор определяет задачу своего некрологического высказывания о Карамзине – «воздать дань бескорыстного уважения памяти того человека, в котором уважали мы при жизни великого писателя и гражданина» [8. С. 82]. Эта установка вполне отражала утвердившуюся в культурном сознании 1820-х гг. амбивалентность писательской репутации, включавшей в себя ипостаси «поэта» и «гражданина». В случае Карамзина, оставившего художественную литературу уже в начале 1800-х гг., но выступавшего для молодого поколения карамзинистов живым классиком и образцом, не меньшую значимость имел гражданственный компонент. Эта интенция соответствовала собственной позиции писателя в период александровского царствования: не выходя из пределов дружеско-семейной среды и не занимая, кроме скромного статуса историографа, какого-либо официального положения, Карамзин публично, а чаще непублично высказывал свое мнение по политически значимым вопросам, выступая своеобразным посредником между властью и общественным мнением [18].

Впрочем, в своем некрологе Полевой не сосредоточивался на деталях гражданской позиции Карамзина, акцентируя лишь признание заслуг историографа со стороны власти: «Государь император удостоивал Карамзина личным благосклоннейшим вниманием и в 1815 г. наградил его орденом Св. Анны I степ. и чином статского, а в 1824 г. действительного статского советника. <...> Царское великодушие и участие императора Николая Павловича услаждали последние дни его» [8. С. 86]. Основным инструментом гражданской активности писателя в некрологе все же становятся литература и историография, достигающие признания соотечественников и вносящие вклад в просвещение общества. Знаменательно, что Полевой использует здесь определение «народный писатель», столь актуальное в 1820-е гг.:

«Вскоре сделался он народным писателем: его журнал читали и во дворце, и в хижинах» [8. С. 84].

В целом Полевой построил биографический нарратив некролога на нескольких мотивах, во многом восходивших к некрологам 1810-х гг. с их идеалом «достойного» писателя: уединенность и простота жизни, неуклонное самовоспитание и самообразование, выполнение через словесность просветительской миссии. Первый мотив сразу задавал камертон: «Жизнь Карамзина не обильна происшествиями, как жизнь всякого человека, посвятившего себя литературным и ученым трудам, в тишине своего уединения» [8. С. 82]. В дальнейшем частный статус литератора Полевой несколько раз подчеркнет, говоря о разных этапах жизни своего героя. Это помогало внести в биографию мотив мессианства, окрашенный романтическим ореолом: Карамзин уже в раннем возрасте осознал свое творческое предназначение, настойчиво готовил себя к литературной деятельности, воспринимаемой как высокое гражданское служение. «Карамзин почувствовал, что ему предназначено действовать на сограждан даром слова <...> и с самых юных лет Карамзин решился быть литератором. В цветущей молодости он старался сам себя воспитывать, старался напитаться высокими уроками знаний» [8. С. 82].

Описывая в хронологической последовательности биографию Карамзина, Полевой отмечает этапы в выполнении писателем своей итоговой миссии – совершить преобразование российской литературы («...ему принадлежит честь последнего преобразования нашей словесности» [8. С. 83]). Свое место здесь занимают «Письма русского путешественника», знакомящие с просвещением Европы, издание «Московского журнала», читаемого «и во дворце, и в хижинах» [8. С. 84], чарующее воздействие «Бедной Лизы» («До сих пор сохранилась память, как поэты, литераторы, все, имевшие некоторое требование на образованность, пилигримствовали на берега Лизина пруда и к Симонову монастырю, мечтать и думать там, где мечтал и думал общий любимец Карамзин» [8. С. 84]), выпуск сборника «Мои безделки» и альманахов «Аглая» и «Аониды» и, наконец, как вершина, издание «Вестника Европы», где «исторические и политические статьи явили талант его с новой блестящей стороны» [8. С. 85].

Следующей ступенью в выполнении миссии после преобразования литературы явилось историческое просвещение. По мнению автора некролога, Карамзин открыл новое «великое» направление в русской культуре. Создание «Истории государства Российского» Полевой характеризует как «подвиг». «Трудность сего предприятия нелегко вообразить. Но Карамзину было предоставлено преобразовать русскую словесность и научить соотечественников любить и знать свою историю» [8. С. 85]. Признание Карамзина как историка подтверждается присуждением государственных наград и чинов, которые перечисляет Полевой. Это обеспечивает историографу тихую и спокойную жизнь, увенчанную «уважением и славой».

Финальная часть некролога посвящена описанию смерти Карамзина. В этом ключе еще раз подчеркивается близость историографа к царской семье. По мнению автора, именно смерть императора ранила чувствительное

сердце Карамзина. И даже великодушные Николая Павловича не смогли уберечь его от смерти. «22 мая, во 2-ом часу пополудни, Карамзин скончался. 25 мая он похоронен на кладбище Александро-Невской лавры, там, где покоится прах великого Ломоносова» [8. С. 87].

Романтической кодой некролога выступила характеристика «души писателя»: «чувство добра», «обширный ум», «любовь ко изящному и ревностное усердие ко благу и счастью человечества» [8. С. 87]. При этом автор раскрывает каждое из этих качеств в конкретных заслугах и действиях Карамзина, именно они помогли появиться на свет бессмертным трудам литератора и историографа.

Пафос текста поддерживался и обилием эмоциональных характеристик: «Поэты русские! Усыпьте могилу его цветами скорби!»; «Имя его будет незабвенно в истории нашего просвещения»; «Душа писателя видна в творениях» [8. С. 80–87].

Таким образом, Полевой создал в некрологе цельный биографический нарратив, скрепленный идеей завершенной авторской миссии.

Еще одним изданием, откликнувшимся на смерть Карамзина, стал журнал «Вестник Европы». В 1826 г. его редактором являлся М.Т. Каченовский. «Ратуя вместе с Шишковым за сохранение классицизма, Каченовский в “Вестнике Европы” постоянно выступал против всех передовых явлений в русской общественной мысли и литературе, против сентиментализма и романтизма, связывая эти литературные направления с политическим либерализмом» [19. С. 105]. Известна была и скептическая позиция издания по поводу «Истории государства Российского», с критикой положений которой выступал ряд статей [20].

Тем не менее на смерть Карамзина журнал откликнулся вполне сочувственным некрологом. Он был напечатан 3 июня 1826 г. под заголовком «Некрология» в разделе «Смесь». Каченовский, скрывшийся за инициалом К., свой текст построил не на биографическом нарративе, позволившем Полевому выстроить мессианский сюжет, а на характеристике личности писателя, сдвигавшей акцент с научных и литературных свершений на человеческую утрату. Оценка заслуг Карамзина производится здесь лапидарно и начинается в деловом информирующем тоне: «Николай Михайлович Карамзин, историограф империи, скончался 22 числа сего месяца (мая) во дворце Таврическом, 59 лет от роду, вследствие приключившегося нарыва в груди» [9. С. 69].

По мнению автора, права Карамзина на «уважение публики» уже известны читателям, в связи с чем подробное их описание оказывалось не нужно. «Знают даже и самые иностранцы, что он первый в бессмертном своем творении представил образец классической прозы на языке русском; не менее уважают в нем и ученого трудолюбивого, который громкою славою и волею государя был призван к подвигу составить летопись своего отечества, с 1802 года посвятить все бытие свое великому сему предмету» [9. С. 69]. Главной заслугой Карамзина-историка в этом труде видится умение

«из безобразного и многосложного сбора летописей древних извлечь полную связь происшествий нашей истории», а также «порядок» повествования и «красноречие слога» [9. С. 70].

Не вступая в обсуждение литературных заслуг и исторической концепции, автор некролога в дальнейшем полностью сосредоточился на личности Карамзина. «Человек являлся выше писателя», – утверждает он применительно к историографу. Растущая слава, уважение, благоволение императора не внушают Карамзину «побуждений к гордыне» [9. С. 71]. Он остался в памяти окружающих человеком, имевшим «характер самый кроткий, тихий, время от времени более доброхотный. Самая зависть должна была извинять заслуги человека, которой по-видимому не помнил об них и которой был самым снисходительным ценителем заслуг, другим принадлежащих» [9. С. 71]. Автор подчеркивает умение Карамзина дружить и тот факт, что друзья «отличные талантом или званием в обществе» высоко ценили общение с умершим. Именно эти качества вызвали столь глубокое и всеобщее сочувствие его смерти, смягчаемое, впрочем, «щедрой мздой таланту и доблестям гражданским» [9. С. 71], данной высочайшим рескриптом, обеспечившим будущее семьи Карамзина.

Близким по установке стал некролог П.И. Шаликова в «Дамском журнале». Его автор был большим почитателем поэтического таланта Карамзина. В литературе редактор «Дамского журнала» активно следовал сентиментальной традиции. Шаликов был лично знаком с автором «Бедной Лизы» и в своем творчестве старался ему подражать. Карамзин же не раз помогал ему, хлопотал о должности, помогал в издательских начинаниях [21. С. 21].

Некролог был опубликован в июньском номере за 1826 г. Текст под заголовком «О кончине Николая Михайловича Карамзина» – это эмоциональный отклик на смерть близкого друга и коллеги. Автор не считает необходимым сообщать о дате, месте и причине ухода из жизни литератора, а сосредоточен прежде всего на личных переживаниях. Определение заслуг Карамзина здесь тесно переплетено с дружеской семантикой. В их характеристике Шаликов не стесняется гиперболизации, ставя своего героя выше рядовых людей: «Европа лишилась в нашем бессмертном историографе одного из великих писателей, которых необъятные труды, всеобъемлющий ум и разнообразные таланты ставят, кажется, выше человечества...» [10. С. 239]. Гениальность Карамзина проявилась в преобразовании русского языка («...снял верною рукою таинственные пелены с отечественного языка, дотоле покрывавшая оный»), в создании новых жанров («дал во всех родах образцы для прочих писателей наших»), в формировании новой читающей аудитории («...поселил вообще вкус к чтению русских книг») [10. С. 239]. Тем не менее описать биографию Карамзина Шаликов не стремится, поручая потомкам эту задачу «изобразить <...> чертами самыми блестящими достойный необыкновенный характер» [10. С. 240]. За этими утверждениями скрывается, однако, огромная личная потеря: «Говоря о себе, я должен был горестною данью – сими слабыми чертами руки, трепещущей

вместе с сердцем – должен был памяти незабвенного писателя и наилучшего человека» [10. С. 240]. Поводом к скорбным чувствам становится в некрологе письмо Карамзина, из которого Шаликов приводит цитату о несбывшихся планах историографа на будущее. Это ощутимо интимизирует текст, подключает план личных контактов. Таким образом, некролог Шаликова предложил собственный поворот темы, перекликающийся с конструкциями 1800-х гг. (некролог И.М. Борна).

Наиболее оперативно на смерть писателя, однако, откликнулась газета «Северная пчела». На ее страницах в трех номерах появились сначала сообщения о смерти Карамзина (№ 62 от 25 мая), затем о погребении (№ 63 от 27 мая) и, наконец, развернутый некролог Н.И. Греча (№ 64 от 29 мая). Последний спустя полгода был переработан и перепечатан в альманахе А.А. Дельвига «Северные цветы» под названием «О жизни и сочинениях Карамзина».

Первая заметка имела информационный характер и сообщала об обстоятельствах смерти Карамзина: «Россия, науки и словесность потерпели великую потерю. Карамзин скончался в субботу, 22 числа, в час по полудни, после продолжительной неисцелимой болезни, на 61-м году от рождения. Он сохранил память и присутствие духа до последних дней своей жизни, утешаясь мыслию, что в теплом климате Италии восстановит свое здоровье. Уже готов был в Кронштадте фрегат для отправления его с семейством в желанный край исцеления... Погребение тела его последует завтра, во вторник, 25 числа, в Александро-Невской лавре» (Северная пчела. 1826. № 62 от 25 мая). Тем не менее и этот короткий текст констатировал масштаб утраты, что усиливала семантика несбывшихся ожиданий, акцентировавшая внезапность смерти и эфемерность человеческих планов.

Второй текст был более развернутым и рассказывал о погребении историографа. Его пафос определяли всеобщность прощания и признания великих заслуг умершего: «Вчера, 25-го, происходило в Александро-Невском монастыре погребение тела Н.М. Карамзина. Он скончался в Таврическом дворце, куда за несколько времени переехал по приглашению всемиловейшего государя, чтоб пользоваться чистым воздухом. Перед кончиною своею изъявил он желание, чтоб погребение его происходило без всяких церемоний. Накануне, в понедельник, родственники и друзья перевезли тело его в Лаврскую церковь Святого Духа. На погребение его прибыли знатнейшие воинские и гражданские чиновники и другие знатные особы, многие из пребывающих в здешней столице ученых и литераторов. Все искренними слезами и душевным воспоминанием добродетелей, талантов и заслуг усопшего платили справедливую дань праху великого россиянина. По окончании отпевания, которое совершал преосвященный митрополит Макарий, родственники, друзья и читатели покойного подняли гроб и понесли оный на кладбище. Карамзин погребен в новой ограде Лаврского кладбища, по правую сторону от ворот. В старой ограде по левую сторону лежит Ломоносов.

Государь император, принимавший во все продолжение болезни Карамзина нежнейшее в судьбе его участие, почтил накануне погребения, в понедельник, последним целованием прах сего подданного, который достоин

был жить и действовать в царствование Александра и Николая. Бессмертным памятником монаршей милости пребудет в потомстве следующий высочайший рескрипт, коим государь император благоволил уведомить историографа о пожаловании ему пенсионера» (Северная пчела. 1826. № 63 от 27 мая). Далее следовал текст рескрипта, ключевая мысль которого – высочайшее признание заслуг Карамзина: «Император Александр сказал Вам: русский народ достоин знать свою историю. История, Вами написанная, достойна русского народа» (Северная пчела. 1826. № 63 от 27 мая).

Н.И. Греч, автор обеих заметок, рассказ о погребении построил на мотиве добровольного принесения дара памяти: отказ историографа от каких-либо церемоний не стал препятствием для участия в погребении многих «воинских и гражданских чиновников и других знатных особ», «ученых и литераторов». Закономерно, что венцом подобного признания выступил прощальный поцелуй императора, так же как и его рескрипт. «Добродетели, таланты и заслуги» покойного здесь не нуждались в подробной характеристике, но они обеспечивали вхождение Карамзина в пантеон «великих россиян». И расположение могилы историографа рядом с могилой Ломоносова служило еще одним знаком равновеликости этих фигур.

Восполнением лакуны стал развернутый некролог в № 64 от 27 мая, построенный по строгому канону и призванный последовательно оценить грани деятельности и личности Карамзина. В этом обзоре, в отличие от некрологов М.Т. Каченовского и П.И. Шаликова практически отсутствовала субъективность автора, а в отличие от Н.А. Полевого – биографическая канва и мессианская семантика. Некролог производит впечатление рационального и аналитичного, только последний фрагмент его давал простор личному чувству: «И уже нет его! И мы сокрыли смертные останки нашего Карамзина в хладную землю! Горестные помышления толпились в душе моей, когда опускали прах его в могилу: я следовал глазами за гробом, желая еще несколько мгновений наслаждаться мыслию, что он посреди нас, и с умиленным сердцем прочитал божественные слова, начертанные на крышке гроба: Блажени чистии сердцем, яко тия Бога узрят!» [11].

Биографическая часть некролога лапидарна и занимает несколько строк (рождение, учеба, путешествие, жизнь в Москве и затем в Петербурге), так же как и сухой послужной список (пожалованные чины и ордена). Центральным эпизодом здесь выступили последние дни и кончина Карамзина. Рассказ о них тесно сплетает судьбы императорской фамилии с судьбой историографа: роковой удар ему наносит смерть императора и императрицы, а утешение приносит новый монарх. Формулы и идеалы патронажа под пером Греча насыщаются романтической эмоциональностью: «Кончина государя-благодетеля поразила благодарного Карамзина жестоким ударом: он впал в изнурительную чахотку. <...> известие о кончине императрицы Елисаветы Алексеевны погрузило его в новую скорбь» [11]. Свое место в трагичном, но возвышенном сюжете занимают и задуманное путешествие в Италию, и монаршая милость в виде пенсионера и подготовленного для путешествия фрегата, и разрушение надежд, и тихая смерть: «В четверток,

20-го числа утром, он еще говорил об Италии, но вскоре впал в совершенное расслабление и беспамятство, и тихо скончался 22-го мая, во втором часу по полудни, на руках родных и друзей своих...» [11].

С этого момента живые образы вытесняются в некрологе перечислением заслуг Карамзина, причем, в отличие от Полевого, отказ от «приобретения чинов или богатства» и полная сосредоточенность на «занятиях науками и литературою» интерпретируются не как выполнение бескорыстной просветительской миссии, а как дело, за которое дается вполне земное воздаяние: «Правосудные и великодушные государи награждали его труды и заслуги самым отличным образом» [11].

Очень подробно и сухо Греч перечисляет издания Карамзина, начиная с «Детского чтения для сердца и разума» и заканчивая собранием сочинений 1820 г. Отдельно он останавливается на выходе томов «Истории государства Российского» в 1816–1823 гг.

И наконец, кодой некролога становятся совокупная оценка роли Карамзина в русской словесности и характеристика его личности. Об «Истории государства Российского» Греч говорит очень кратко («Карамзин воздвиг оным незыблемый памятник героям и подвигам древности русской и своему трудолюбию, уму и таланту»), отдавая приоритет литературным свершениям, из которых главное – преобразование языка: «Карамзин сотворил новую, правильную, чистую, легкую, благородную русскую прозу» [11]. Не утверждая, что стиль Карамзина – предел совершенства, автор некролога акцентирует его роль в «образовании вкуса» и приобщении к литературе: «Ум и вкус его проникают повсюду – и в кабинет ученого, и в будуар модной женщины, и в палатку воина, и в палату судейскую» [11].

Эта масштабность действия одного писателя на всю российскую публику, эта всеобщая любовь к автору обеспечивались, по Гречу, в том числе обаянием его личности: «Личное с ним знакомство увеличивало и укрепляло почтение и любовь, внушаемые его произведениями». Психологический портрет Карамзина построен на сентиментальных мотивах «чувствительной души»: «Качества сии получали новый блеск от нежности сердца, от душевной теплоты, кроткой сострадательности и трогательного человеколюбия, коими оживлялись все его помышления, слова и поступки. Он был верный друг, нежный супруг, чадолюбивый отец; находил услаждение в пособии и благотворении ближним <...> чувствуя свое достоинство, был скромн и невзыскателен, не знал недоброжелательства, зависти и мщения; был благочестив и прибежен к Богу; пламенно любил Россию и добрых своих государей – был человек великий и добродетельный во всем значении сих слов!» [11].

Спустя полгода Греч отредактировал свой некролог и под заглавием «О жизни и сочинениях Карамзина», в том числе отсылающим к карамзинскому некрологу «О Богдановиче и его сочинениях», перепечатал в дельвиговских «Северных цветах на 1828 год». Основная часть текста осталась неизменной, был удален только последний эмоциональный абзац о мыслях около гроба писателя. Однако в статье появилось своеобразное вступление, ставшее, вероятно, реакцией на назревающее недовольство мемориальными

усилиями, в том числе самого Греча. Критик в нем оправдывал возможность разных взглядов современников на личность и труды Карамзина: «Потомство, судья нелицемерный и справедливый, еще не началось для него: мы можем говорить и судить о нем, как современники, можем увлекаться мнениями и суждениями других, неочищенными временем от примеси личной дружбы или недоброжелательства к почившему; но если слова наши будут отголоском истинного нашего убеждения, если они будут служить хотя легким отпечатком того, что мыслили и чувствовали наши современники при сей незаменимой потере, то и они не пропадут в будущем. Потомство, сравнивая труды и заслуги писателя с мнением о нем современников, наблюдая, в какой мере они умели понимать и уважать его, получит верные средства к определению его достоинства в отношении к времени и месту его жизни» [12. С. 186–187].

Эта оценка отразила отсутствие консенсуса как в понимании заслуг Карамзина, так и в мерах по сохранению и канонизации его памяти. Достаточно большой ряд некрологических текстов не сумел, по мнению многих литераторов, выполнить своей функции и достойно осветить наследие писателя. Некрологи предлагали вполне продуманные и разнообразные модели: мессианский биографический нарратив у Полевого, очерк личности у Каченовского, интимная реплика у Шаликова, наконец, аналитический обзор у Греча. Различаясь по подходам, эти тексты закрепляли в памяти весьма близкий набор мотивов: человеческое достоинство, благородство и привлекательность личности, сосредоточенное занятие литературой и историей, преобразование языка и словесности, открытие отечественной истории, признание заслуг обществом и двором. Все эти мотивы и в дальнейшем будут определять карамзинский мемориальный дискурс [22].

Тем не менее коллективное мнение оказалось неудовлетворено некрологами, причем высказывания современников буквально их дезавуировали, либо оценивая напрямую отрицательно (А.И. Тургенев о некрологе Каченовского), либо просто не замечая. Здесь сказалось сильнее всего отсутствие голоса с абсолютным или очень высоким авторитетом: все другие высказывания воспринимались как недостаточные для поддержания памяти писателя и его непререкаемой канонизации. У всех четырех авторов некрологов было много оппонентов и, по разным причинам, они имели неоднозначную репутацию. Именно об этом писал А.С. Пушкин П.А. Вяземскому 10 июля 1826 г.: «Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? Отечество вправе от тебя того требовать. Напиши нам его жизнь, это будет 13-й том “Русской истории”; Карамзин принадлежит истории» [23. С. 286]. По сути, с той же просьбой обратился П.А. Вяземский к В.А. Жуковскому 6/18 января 1827 г.: «Напиши что-нибудь о Карамзине, если не полного, систематического жизнеописания, то хотя воспоминание о знакомстве своем с ним, о ваших разговорах и проч^{ее}. <...> Ты этим совершишь долг приязни. <...> Но ты, Жуковский, Блудов и Дашков должны

бы непременно положить несколько цветков на гроб его. <...> Право, Тургенев, опрокинь без всякого усилия авторства память и сердечную память свою на бумагу, и выльется живое и теплое изображение. Ведь это стыдно же, что из круга просвещенных друзей Карамзина, из почетного легиона народа русского не раздастся ни один голос, прерывающий гробовое молчание. Воля ваша, это равнодушие, преступная беззаботливость. Карамзину не нужны наши похвалы, не нужно нам на руках подымать его; он и так высок, он и так без сравнения выше всего поколения нашего» [24. С. 47–48]. В свою очередь А.И. Тургенев переадресовал эту просьбу к самому П.А. Вяземскому в письме от марта 1827 г.: «Наконец и ты прав, Вяземский! Негодование твое справедливо. Вот уже скоро год, как не стало Карамзина, и никто не напомнил русским, чем он был для них. Журналисты наши, исчислив кратко, впрочем, не безошибочно, труды его и лета жизни, возвестив России, что наставника, дееспособного, мудреца ее не стало, исполнили долг современных некрологов; но не умели и хотели воспользоваться правом своим возбуждать народное внимание, народное чувство к важным событиям в государстве. <...> Кто по сию пору прервал гробовое молчание о Карамзине? Кто из нас положил цветок на уединенную могилу его? Мы, жившие его жизнью, страдавшие его страданиями, мы, одолженные ему лучшими благами ума и души, что мы сделали? Опустили его в могилу, бросили горсть земли на землю его и смолкли, как умершие» [25. С. 57–58].

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что при наличии первоначального посмертного образа Карамзина, созданного некрологами, и сформировавшегося общего мнения о значимом месте писателя в национальном литературном пантеоне окончательной канонизации не произошло. Она оказалась отложенной, и даже спустя двадцать лет после смерти писателя, на открытии его памятника в Симбирске, М.П. Погодин отмечает лакуну в осмыслении роли Карамзина в отечественной культуре: «<...> исполнить хоть отчасти долг, лежащий уже давно на всех служителях русского слова, и представить в ясном, по возможности, свете перед взором соотечественников высокое значение тех мирных подвигов, за которые ныне скромный писатель удостоивается высочайшей гражданской почести» [26. С. 3–4]. Современники писателя не представляли возможным создать его объективную биографию. «Однако все чаще защита друзей сбивается на панегирик, на обвинения тем, кто осмелился о Карамзине толковать без должного почтения. Сам Вяземский однажды услышал упрек от дочери историографа, что пишет биографию Фонвизина, а не Карамзина. Вяземский отвечал: “Ведь не напишешь же биографии, например, горячо любимого отца”. Иными словами, нет биографии без разбора сильных и слабых сторон» [14. С. 153]. О том же писал в «Сотворении Карамзина» Ю.М. Лотман, размышляя над проблемой мемориализации: «Карамзин не успел закрыть глаза, как началась работа по посмертной его канонизации, устранению из его облика всего

смятенного, трагического, незаконченного и – следовательно – живого. Прежде чем внести в Пантеон, надо было превратить его в монумент» [27. С. 315]. Потребовалась смена литературных поколений, чтобы это оказалось возможным.

Таким образом, анализ некрологов Карамзину показывает, что мемориальная культура системы дружеских сообществ в 1820-е гг. с функциональной стороны не всегда демонстрировала желаемый результат, при том что сама эта система находилась на очевидном подъеме.

Список источников

1. Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М. : Аспект Пресс, 2006. 312 с.
2. Рейтблат А.И. Писать поперек: Статьи по биографии, социологии и истории литературы. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 416 с.
3. Кузовкина Т. Некролог Булгарина Жуковскому // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2004. Вып. 3. С. 276–293.
4. Онипко К.А. Первые русские некрологи: герои и контексты // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 1 (170). С. 83–87.
5. Бокова В.М. Эпоха тайных обществ: Русские общественные объединения первой трети XIX века. М. : Реалии-пресс, 2003. 651 с.
6. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Издательский дом ЯСК, 2019. Т. 16. 1148 с.
7. Мордовченко Н.И. Русская критика первой четверти XIX века. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 431 с.
8. Полевой Н.А. Некрология: Николай Михайлович Карамзин // Московский телеграф. 1826. Ч. 9. С. 80–87.
9. Каченовский М.Т. Некрология // Вестник Европы. 1826. № 9. С. 69–72.
10. Шаликов П.И. О кончине Николая Михайловича Карамзина // Дамский журнал. 1826. № 12. С. 239–241.
11. Греч Н.И. Некрология // Северная пчела. 1826. № 64.
12. Греч Н.И. О жизни и сочинениях Карамзина // Северные цветы на 1828 год. СПб., 1827. С. 186–202.
13. Вдовин А.В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830–1860-х годов. Тарту : Ülikooli Kirjastus, 2011. 238 с.
14. Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М. : Книга, 1983. 176 с.
15. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016. Т. 11, кн. 1. 1048 с.
16. Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М. : Наука, 1989. 224 с.
17. Сапченко Л.А. Н.А. Карамзин в оценке авторов «Московского телеграфа» // Известия самарского научного центра РАН. 2011. Т. 13, № 2–2. С. 445–449.
18. Сапченко Л.А. «Я не безмолвствовал» (об особенностях гражданской позиции Н.М. Карамзина) // Два века русской классики. 2021. Т. 3, № 4. С. 6–23.
19. Западов А.В. История русской журналистики XVIII–XIX веков. М. : Высшая школа, 1973. 520 с.
20. Евдошенко Ю.В. М.Т. Каченовский – критик «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2000. № 5. С. 72–88.
21. Ершова В.Н. Журналист П.И. Шаликов: Материалы к биографии // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2007. № 9. С. 11–26.

22. Кудреватых А.Н. Репутация Н.М. Карамзина в литературном сообществе первой половины XIX века // Уральский филологический вестник. 2019. № 5. С. 114–122.
23. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений : в 19 т. М. : Воскресенье, 1997. Т. 16. 533 с.
24. «Мы столько прожили с тобой на свете...» Переписка П.А. Вяземского и В.А. Жуковского 1807–1852 гг. : в 2 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2021. Т. 2. 666 с.
25. Архив братьев Тургеневых / под ред. с примеч. Н.К. Кульмана. Пг., 1921. Вып. 6. 550 с.
26. Погодин М.П. Историческое похвальное слово Карамзину // Москвитянин. 1846. № 1. С. 3–66.
27. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М. : Книга, 1987. 336 с.

References

1. Tertychnyy, A.A. (2006) *Zhanry periodicheskoy pechati* [Genres of Periodicals]. Moscow: Aspekt Press.
2. Reytblat, A.I. (2014) *Pisat' poperek: Stat'i po biografii, sotsiologii i istorii literatury* [Writing Across: Articles on biography, sociology and literary history]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
3. Kuzovkina, T. (2004) Nekrolog Bulgarina Zhukovskomu [Obituary of Bulgarin to Zhukovsky]. In: Kiseleva, L.N. (ed.) *Pushkinskie chteniya v Tartu* [Pushkin Readings in Tartu]. Tartu: Tartu University Press. 3. pp. 276–293.
4. Onipko, K.A. (2018) Pervye russkie nekrologi: geroi i konteksty [The first Russian obituaries: heroes and contexts]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1 (170). pp. 83–87.
5. Bokova, V.M. (2003) *Epokha taynykh obshchestv: Russkie obshchestvennye ob"edineniya pervoy treti XIX veka* [The Era of Secret Societies: Russian public associations of the first third of the 19th century]. Moscow: Realii-press.
6. Zhukovskiy, V.A. (2019) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 16. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
7. Mordovchenko, N.I. (1959) *Russkaya kritika pervoy chetverti XIX veka* [Russian Criticism of the First Quarter of the 19th Century]. Moscow; Leningrad: USSR AS.
8. Polevoy, N.A. (1826) Nekrologiya. Nikolay Mikhaylovich Karamzin [Necrology. Nikolai Mikhailovich Karamzin]. *Moskovskiy telegraf*. Pt. 9. pp. 80–87.
9. Kachenovskiy, M.T. (1826) Nekrologiya [Necrology]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 69–72.
10. Shalikov, P.I. (1826) O konchine Nikolaya Mikhaylovicha Karamzina [About the death of Nikolai Mikhailovich Karamzin]. *Damskiy zhurnal*. 12. pp. 239–241.
11. Grech, N.I. (1826) Nekrologiya [Necrology]. *Severnaya pchela*. 64.
12. Grech, N.I. (1827) O zhizni i sochineniyakh Karamzina [About the life and writings of Karamzin]. In: *Severnnye tsvety na 1828 god* [Northern Flowers for 1828]. Saint Petersburg: V Tipografii departamenta narodnogo prosveshcheniya. pp. 186–202.
13. Vdovin, A.V. (2011) *Kontsept "glava literatury" v russkoy kritike 1830–1860-kh godov* [The Concept of "The Head of Literature" in Russian Criticism of the 1830s – 1860s]. Tartu: Ülikooli Kirjastus.
14. Eydel'man, N.Ya. (1983) *Posledniy letopisets* [The Last Chronicler]. Moscow: Kniga.
15. Zhukovskiy, V.A. (2016) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Works and Letters]. Vol. 11. Book 1. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur.
16. Kozlov, V.P. (1989) *"Istoriya gosudarstva Rossiyskogo" N.M. Karamzina v otsenkakh sovremennikov* [History of the Russian State by N.M. Karamzin in the Assessments of His Contemporaries]. Moscow: Nauka.
17. Sapchenko, L.A. (2011) N.A. Karamzin v otsenke avtorov "Moskovskogo telegrafa" [N.A. Karamzin in the assessment of the authors of the Moscow Telegraph]. *Izvestiya samarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2–2 (13). pp. 445–449.

18. Sapchenko, L.A. (2021) “Ya ne bezmolstvovoval” (ob osobennostyakh grazhdanskoй pozitsii N.M. Karamzina) [“I was not silent” (about the peculiarities of N.M. Karamzin’s civic position)]. *Dva veka russkoy klassiki*. 4 (3). pp. 6–23.
19. Zapadov, A.V. (1973) *Istoriya russkoy zhurnalistiki XVIII–XIX vekov* [History of Russian Journalism of the 18th – 19th Centuries]. Moscow: Vysshaya shkola.
20. Evdoshenko, Yu.V. (2000) M.T. Kachenovskiy – kritik “Istorii gosudarstva Rossiyskogo” N.M. Karamzina [M.T. Kachenovsky – critic of N.M. Karamzin’s History of the Russian State]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. 5. pp. 72–88.
21. Ershova, V.N. (2007) Zhurnalist P.I. Shalikov: Materialy k biografii [Journalist P.I. Shalikov: Materials for the biography]. *Vestnik RGGU. Seriya. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul’turologiya*. 9. pp. 11–26.
22. Kudrevatykh, A.N. (2019) Reputatsiya N.M. Karamzina v literaturnom soobshchestve pervoy poloviny XIX veka [Reputation of N.M. Karamzin in the literary community of the first half of the 19th century]. *Ural’skiy filologicheskiy vestnik*. 5. pp. 114–122.
23. Pushkin, A.S. (1997) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 16. Moscow: Voskresen’e.
24. Kiselev, V.S. (ed.) (2021) “My stol’ko pozhili s toboy na svete...” *Perepiska P.A. Vyazemskogo i V.A. Zhukovskogo 1807–1852 gg.* [“We have lived so much in this world with you...” Correspondence of P.A. Vyazemsky and V.A. Zhukovsky 1807–1852]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
25. Kul’man, N.K. (ed.) (1921) *Arkhiv brat’ev Turgenevykh* [Archive of the Turgenev Brothers]. Vol. 6. Petrograd: Russian State Academy.
26. Pogodin, M.P. (1846) Istoricheskoe pokhval’noe slovo Karamzinu [Historical words of praise to Karamzin]. *Moskvityanin*. 1. pp. 3–66.
27. Lotman, Yu.M. (1987) *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow: Kniga.

Информация об авторах:

Киселев В.С. – д-р филол. наук, зав. каф. русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия). E-mail: kv-uliss@mail.ru

Надточий Е.Е. – аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Томск, Россия); преподаватель, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия). E-mail: katerina-063.92@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.S. Kiselev, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian and Foreign Literature, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kv-uliss@mail.ru

E.E. Nadtochiy, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); lecturer, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: katerina-063.92@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.03.2024;
одобрена после рецензирования 14.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 22.03.2024;
approved after reviewing 14.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.